

На правах рукописи

БУДАЕВА Цындыма Львовна

**МОДЕЛИРОВАНИЕ ПЕРЕВОДА ПАРЕМИЙ В АСПЕКТЕ
АКТУАЛИЗАЦИИ ПРЕСКРИПТИВНОГО ПОТЕНЦИАЛА
(на материале бурятских, английских и русских коррелятов)**

Специальность 10.02.19 — теория языка

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Улан-Удэ — 2021

Работа выполнена на кафедре перевода и межкультурной коммуникации ФГБОУ ВО «Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова»

Научный руководитель
Дашинимаева Полина Пурбуевна
доктор филологических наук, профессор

Официальные оппоненты
Митягина Вера Александровна
доктор филологических наук,
профессор, ФГАОУ ВО «Волгоградский государственный университет»

Бидагаева Цыцыгма Димчиковна
кандидат филологических наук, доцент, ФГБОУ ВО «Восточно-Сибирский государственный университет технологий и управления»

Ведущая организация
ФГБОУ ВО «Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена»

Защита состоится «30» сентября 2021 г. в 14.00 на заседании диссертационного совета Д 212.022.05 по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук в ФГБОУ ВО «Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова» по адресу: 670000, г. Улан-Удэ, ул. Ранжурова, 4, конференц-зал научной библиотеки.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке ФГБОУ ВО «Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова» и на сайте организации www.bsu.ru.

Автореферат разослан « __ » _____ .

Ученый секретарь
диссертационного совета
кандидат филологических наук, доцент Е. В. Зырянова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность работы. Бурятские пословицы как древние источники иносказательных сообщений, как правило, содержат этноориентированные ценности, которые и определяют нравоучительный, т. е. прескриптивный, характер паремий. Переносный прескриптивный смысл паремий понимается нами как передача доминантных ориентиров культуры посредством привлечения характеристик аутентичного для носителей языка-культуры образа. Прогрессирующее функциональное ослабление бурятского языка, с одной стороны, и стремительное видоизменение жизнедеятельности современного общества, с другой, ведут к искаженному пониманию назидательной части пословиц, что часто служит причиной некорректного подбора коррелятов в языке перевода (далее ПЯ). В связи с этим передача паремической прескрипции, в основе которой лежит тот или иной этноцентрированный образ, создающий вариативность понимания послания пословицы, представляется достаточно сложной задачей для переводчика.

В целом в транслатологии вопрос перевода фразеологизмов, в том числе паремических, относится к категории трудноразрешимых и не имеет универсального подхода к решению, что обусловлено прежде всего сложной комплексной структурой их семантики, а также их национально-культурной спецификой [Комиссаров, 1990, с. 152]. Неоднозначность решения вызвана проблемой степени актуализации прескриптивного потенциала паремий в целевом знаке и поиска способов минимизации семантического сдвига в переводе.

В равной мере мы осознаем, что степень успешности передачи прескрипции бурятских паремий в английских и русских коррелятах зависит, во-первых, от степени затемненности исходной семантики; во-вторых, от дистанции между контактирующими культурами в плане понимания концептуальных ориентиров. В контексте сказанного мы предлагаем решение такого рода проблемы в рамках психолингвистического подхода, где перевод рассматривается как особый вид речевой деятельности, состоящий из многоэтапных мыслительных операций [Швейцер, 1988, с. 21]. В подобном ключе в переводоведении не изучены механизмы экспликации прескриптивного потенциала паремий.

Таким образом, вышесказанное обуславливает **актуальность** заданной в исследовании научной проблемы.

Объект исследования — паремические единицы в бурятском, английском и русском языках.

Предмет исследования — степень актуализации прескриптивного потенциала бурятских паремий в английских и русских коррелятах.

Материалом исследования послужили: 1) 620 пословиц бурятского языка для проведения первого этапа психолингвистического эксперимента; 2) 3 и 10 бурятских пословиц, отобранных для проведения второго и третьего этапов эксперимента в соответствии с их целями; 3) данные эксперимента для определения вариативности актуализации прескриптивного потенциала бурятских паремий и степени семантического сдвига в английских и русских коррелятах.

В качестве **гипотезы исследования** выдвигается следующая идея: если паремическая прескрипция этнокультурноцентрирована, то соответствующее назидание невозможно передать в другом языке без сдвига семантики.

Цель исследования — провести психолингвистическое исследование степени актуализируемости прескриптивного потенциала бурятских паремий в английском и русском коррелятах и путей минимизации семантического сдвига в процессе перевода.

Для реализации данной цели были поставлены следующие **задачи**:

1) рассмотреть понятие фразеологического образа как основу метафоризации и соответствующего формирования прескрипции паремической единицы;

2) на примере бурятских пословиц обосновать взаимообусловленность паремических прескрипций и ориентиров традиционного мышления и поведения носителей культуры;

3) рассмотреть модели переводческого посредничества с точки зрения их применимости в коррелировании паремий;

4) на экспериментальном уровне идентифицировать вариативность понимания прескриптивного потенциала бурятских паремий, разработать соответствующую классификацию единиц и выявить степень реализации прескриптивного потенциала бурятских пословиц в английских и русских коррелятах;

5) апробировать функциональную модель уровней эквивалентности В. Н. Комиссарова в коррелировании бурятских, английских и русских паремий;

6) на основе психолингвистической модели перевода значимости П. П. Дашинимаевой смоделировать ментальный этап декодирования исходной паремической прескрипции и подбора вариантов соответствий на примере бурятских, английских и русских коррелятов;

7) разработать рекомендации к поиску и подбору паремических коррелятов в рамках психолингвистического подхода.

Для решения поставленных задач были использованы следующие **методы исследования**:

- теоретические методы (индукция и дедукция, сравнение, обобщение, моделирование, аналогия, классификация, интроспекция) использованы отдельно и в совокупности во всех трех главах;

- эмпирические методы (наблюдение, измерение, психолингвистический эксперимент) применены в главе 2 для обнаружения и подтверждения взаимоотношенностей между бурятскими, английскими и русскими коррелятами.

Базовым методом, служащим способом операционализации процесса перевода паремий и соответствующего избежания значительного сдвига прескриптивной семантики, является моделирование.

Научная новизна диссертационного исследования заключается:

1) в моделировании ментального этапа экспликации прескриптивного потенциала паремий;

2) обосновании и выстраивании последовательности ментальных действий в переводческом посредничестве бурятских, английских и русских языков-культур;

3) определении факторов, служащих причинами идентификации вариантов семантического сдвига в коррелятах;

4) экспериментальном и прикладном обосновании относительной переводимости паремических единиц с одного языка на другой.

Теоретическая значимость исследования заключается в детерминации высокой степени реализации прескриптивного потенциала паремии посредством формализованного представления процесса определения степени семантического сдвига коррелятов.

Практическая значимость исследования. Результаты исследования могут быть использованы в качестве культурологического источника в образовательном процессе и эпистемологической про-

цедуры выявления ментального этапа предперевода в научно-исследовательском аспекте. Результаты исследования и разработанные рекомендации к поиску и подбору паремических коррелятов могут быть включены в программу теоретических и практических дисциплин по переводу, дисциплин из других областей знания, таких как Лексикология, Стилистика, Дискурс-анализ, Когнитивная лингвистика и Психолингвистика.

Теоретической базой диссертации послужили исследования отечественных и зарубежных ученых в области фразеологии (О. А. Корнилов, М. Л. Ковшова, В. В. Виноградов, В. Н. Телия, Н. М. Шанский, С. А. Хахалова, Н. Ф. Алефиренко, Н. Н. Семенов, Н. П. Дондокова, М. Яског, С. Плаза, Д. Эне), когнитивной лингвистики (Н. Д. Арутюнова, В. А. Маслова, З. Д. Попова, И. А. Стернин, Дж. Лакофф, М. Джонсон), переводоведения (А. В. Федоров, Я. И. Рецкер, В. Н. Комиссаров, А. Д. Швейцер, Л. К. Латышев, Н. К. Гарбовский, В. Е. Горшкова, Н. Н. Гавриленко, И. С. Алексеева, Т. А. Казакова, В. В. Сдобников, П. П. Дашинамаева, К. Райс, А. Г. Минченков, Б. Гайя, М. Бейкер, Ц. Б. Будаев, А. Т. Жанаев), лингво- и этнокультурологии (В. Д. Бабуева, С. И. Жимбеева, П. Б. Замураева, Д. А. Николаева, М. В. Амгала-нова, Н. Г. Гомбоева, Ц. Ч. Жимбаева, К. Фокс, Э. Холл, Г. Хофстеде), психолингвистики (А. А. Леонтьев, А. А. Залевская, А. А. Нистратов, Л. Б. Кацюба, Ван Лимин, Н. В. Дмитриук, Д. Н. Байгутова, Е. С. Мезенцева, Т. Ц. Дугарова, М. Шлезингер, П. Тагард, Ч. Осгуд). При моделировании ментального этапа декодирования паремической прескрипции и подбора коррелятов в целевом языке мы опирались на психолингвистическую модель перевода значимости П. П. Дашинамаевой.

Достоверность и обоснованность выводов обеспечиваются исходными теоретическими положениями, совокупностью использования теоретических и эмпирических методов исследования для решения поставленных задач, построением и проведением психолингвистического эксперимента, подтверждающего способы решения научно-исследовательских задач.

Основные *положения*, выносимые на защиту:

1. Метафорический образ является ключевым компонентом в структуре паремии и управляет ее смысловым значением и функциональной направленностью, формирующими этнокультурно-центрированный прескриптивный потенциал единицы. Степень

эмоционального содержания в паремическом назидании достигается окружением образа и его дискурсивной семантикой.

2. В условиях функционального регресса языка бурятские пословицы, будучи иносказательными источниками концептуальных формул поведения носителей культуры, требуют серьезного переводческого внимания для релевантного определения их актуализируемого прескриптивного потенциала.

3. Неспособность определенной части молодого поколения к предвидению развития концептуальной семантики в метонимических и метафорических переносах паремий на родном языке свидетельствует о функциональном ослаблении их языка на более глубоком семиотическом уровне.

4. Паремический коррелят (термин А. А. Залевской) не является эквивалентом в абсолютном смысле слова, так как представляет собой автономную устойчивую единицу с самостоятельным назиданием, которой придается статус соответствия в процессе перевода. Успешно подобранный коррелят может обеспечить на уровне передачи прескриптивной семантики достаточно высокую степень соответствия.

5. Учитывая многоуровневость производства, восприятия и воспроизводства речемыслительной деятельности, продуктом которой является также пословица, определение прескриптивного потенциала паремических единиц требует обращения к психолингвистическому подходу изучения явлений языка-речи, в частности — к экспериментальному способу его идентификации.

6. Основной причиной наличия семантического, слабого или значительного, сдвига, имеющего место в результате коррелирования исходной прескрипции в другом языке, является этноцентрированный паремический образ, который создает высокую степень затемненности семантики и предопределяет вариативность понимания скрытого назидания. Соответственно, чем более релевантна экспликация прескриптивного потенциала исходной паремии, тем успешнее процесс поиска и подбора коррелята.

7. Моделирование ментального этапа декодирования паремической прескрипции и поиска и подбора соответствий в целевом языке на примере бурятских, английских и русских коррелятов позволяет выявить основные факторы, влияющие на степень семантического сдвига в целевом знаке, и способствует развитию культуры

переводческого мышления в плане осознанного использования ментальных шагов в прописанной последовательности при выполнении данной задачи.

Апробация основных положений работы. Основные положения и результаты диссертационного исследования обсуждались на расширенном заседании кафедры перевода и межкультурной коммуникации ФГБОУ ВО «Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова», а также в ходе выступлений на следующих конференциях и форумах:

- IX Международная научно-практическая конференция «Наука и образование: сохраняя прошлое, создаем будущее» (Пенза, 5 мая 2017 г.);

- XI Международная научно-практическая конференция молодых ученых «Азиатско-Тихоокеанский регион: история и современность» (Улан-Удэ, 2017 г.);

- Международный междисциплинарный форум молодых ученых «Приоритетные направления развития науки, технологий, техники» (Новосибирск, 2017 г.);

- Международная научно-практическая конференция «Язык-культура, мышление-познание. Интегративные исследования (Улан-Удэ, 2018 г.);

- Международная научно-практическая конференция «Современный текст: традиции и новаторство» (Улан-Удэ — Байкальская Ривьера, 2019 г.);

- Всероссийская онлайн-конференция «Экология. Коммуникация. Перевод», посвященная 15-летию кафедры перевода и межкультурной коммуникации и 60-летию факультета иностранных языков Бурятского госуниверситета (Улан-Удэ, 2020 г.).

Результаты проведенного исследования отражены в 11 публикациях, в том числе в ведущих рецензируемых научных изданиях — 3 работы. Общий объем публикаций составляет 6,2 печ. л.

Структура работы определена целью и задачами исследования. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения, литературы (151 источник, в том числе справочный материал) и 8 приложений. В тексте диссертации представлены 4 схемы, 9 таблиц и 9 рисунков.

СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** обосновываются выбор объекта и актуальность темы исследования, формулируются цель и задачи исследования, указывается теоретическая база, освещается научная новизна, теоретическая и практическая значимость работы, определяются методы исследования и положения, выносимые на защиту.

В первой главе **«Теоретико-методологическое обоснование исследования»** дается теоретический обзор литературы по теме исследования, а также определяется степень ее проработанности в современной науке.

В *1.1 Паремическая versus фразеологическая единица* определяется понятие «паремическая единица» и его место в системе фразеологизмов. В современной лингвистике под паремической единицей (далее ПЕ) подразумеваются «афоризмы народного происхождения, характеризующиеся лаконичностью формы, воспроизводимостью значения и имеющие, как правило, назидательный смысл» [Алефиренко, Семенов, 2009, с. 242]. В настоящее время среди ученых нет единого мнения относительно состава фразеологических единиц (далее ФЕ). Однако ряд отечественных и зарубежных исследователей (Н. М. Шанский, 1985; В. Н. Телия, 1988; С. Влахов, С. Флорин, 2006; Н. Ф. Алефиренко, Н. Н. Семенов, 2009; Л. А. Гранкина, 2012; S. Plaza, 2015; M. Jaskot, 2016) относят ПЕ к группе фразеологизмов и считают их частью фразеологии. Тем не менее анализ определений и ключевых признаков обоих разрядов позволяет выявить их основные отличия как в структурном, так и в семантическом плане: ПЕ оформляются на уровне предложения, характеризуются синтаксической членимостью, обладают явной назидательной семантикой, а также смысловой и интонационной завершенностью.

В *1.2 Паремический образ как основа метафорической прескрипции* рассматриваются понятие фразеологического образа и способы его создания. Основу метафоризации и соответствующего формирования прескриптивной семантики пословицы составляет паремический образ, который является ключевым компонентом в ее структуре и служит неким «проводником» в культурное пространство, описываемое в паремии (М. Л. Ковшова, 2009; Я. Чэнь, 2011; П. П. Дашининаева, А. Т. Жанаев, 2014; Р. Х. Хайруллина, 2015). К примеру, в пословице *Снег холодный, а от стужи укрывает*

(‘находи во всем пользу’) в качестве образа использован метафорический компонент *снег*: зимой в России снегом обычно покрыты огромные пространства.

В настоящее время становится все более актуальным изучение метафоры в области когнитивной науки, где процесс метафоризации рассматривается как взаимодействие разных концептов, которые структурируют наше традиционное мышление и поведение (Е. С. Кубрякова, 1994; Н. Д. Арутюнова, 1999; С. Г. Воркачев, 2001; В. И. Карасик, 2002; В. А. Маслова, 2005; В. А. Ефремов, 2009; З. Д. Попова, И. А. Стернин, 2010; С. А. Хахалова, 2011; Т. Г. Попова, Е. В. Курочкина, 2015; Н. С. Шекунова, 2015; Н. Н. Болдырев, 2019; Дж. Лакофф, М. Джонсон, 2004). Процесс метафоризации основан на взаимодействии двух структур знаний — *источника* (source domain) и *цели* (target domain). Например, метафора НАРОД/ОБЩЕСТВО [цель] — ЭТО СТАДО [источник] обращает внимание адресата на идею «несамостоятельности, пассивности, безусловного подчинения» народа/общества «верхам»: знания о мире говорят нам, что стадо животных управляется пастухом [Лакофф, Джонсон, 2004, с. 9]. В этом смысле механизм создания паремического образа представляется следующим образом: денотативное сочетание, входя в метафорическое пространство, теряет свою реальную физическую направленность и обретает прескриптивно-концептуальный смысл (схема 1):

Схема 1. Механизм создания паремического образа

В 1.3 Бурятские паремические фразеологизмы как концептуальные ориентиры традиционного поведения бурят предлагается обзор концептуальной классификации бурятских паремий А. Т. Жанаева (2014) и функционально-семантической классификации бурятских фразеологизмов Н. П. Дондовой (2008). В результате выявляются ключевые концептуальные ориентиры бурятской культуры, кото-

рые определяют прескриптивно-концептуальное содержание бурятских пословиц. Среди доминантных ориентиров традиционного мышления и поведения носителей бурятского языка-культуры выделяются следующие: проявление глубокого уважения к старшему поколению (напр., *Бууралһаа үгэ дуула, бусалһанһаа ама хүрэ* ‘досл. Седого человека слушайся, готовой еды пробуй’), доброжелательное отношение к другим людям (напр., *Замаг ехэтэй уһанда загаһа жараахай олон, зан һайнтай хүндэ нүхэр хани олон* ‘досл. В воде, где много водорослей, рыбы много, у человека с хорошим характером друзей много’), ценностное отношение к слову (напр., *Онһон үгэ оносотой, олоной үгэ тудасатай* ‘досл. Пословицы и поговорки правдивы, слова народа точны’), сдержанность речевого поведения (напр., *Хуурай модон жэмэсгүй, хоһон үгэ туһагүй* ‘досл. Бесплодно дерево сухое, нет пользы в пустословии’), философское восприятие времени (напр., *Зунай хоолой нарин, үбэлэй хоолой бүдүүн* ‘досл. Летний голос тонкий, зимний — громкий’), гендерная идентификация (напр., *Үхэртэ эмээл зохихогүй, эхэнэртэ архи зохихогүй* ‘досл. Корова не подходит седло, женщине не идет вино’). В их основе лежит принцип природосообразности, заключающийся в идее о духовном единстве природы и человека, а также в бережном отношении людей к природе, человеку и обществу как части природы (Е. Т. Цыinguнова, 2009; Т. Ц. Дугарова, 2010в; Е. А. Бардамова, 2012; Н. Г. Гомбоева, 2013; Ц. Ч. Жимбаева, 2014; М. В. Амгаланова, 2020; S. Zhimbeeva, 2010).

В 1.4 Способы перевода паремических фразеологизмов рассматриваются традиционные способы перевода ФЕ в транслатологии — фразеологический и нефразеологический (С. Влахов, С. Флорин, 1980; А. Д. Швейцер, 1988; Р. К. Миньяр-Белоручев, 1996; И. С. Алексеева, 2001; Т. А. Казакова, 2001; В. Н. Комиссаров, 2002; А. В. Федоров, 2002; Н. К. Гарбовский, 2004; Я. И. Рецкер, 2007; Л. С. Бархударов, 2010; П. П. Дашинимаева, 2017; К. Райс, 1978; В. Gaia, 2006; M. Baker, 2011; E. Leivada, K. Grohmann, 2014; S. Plaza, 2015; M. Jaskot, 2016). В качестве основного способа перевода ФЕ выделяется фразеологический способ, который заключается в передаче исходной единицы посредством подбора соответствий в ПЯ. Однако обозначенные способы носят констатирующий характер без объяснения путей прихода к выбору соответствия. Из этой ситуации мы формулируем два пункта методологии: 1) заменяем «подбор со-

ответствия» на «подбор коррелята»: второе понятие позволяет уйти от формально-статического толкования эквивалента в сторону функционально-динамического — прескриптивно-центрированного — аналога ПЕ, подразумевающего вариативность понимания назидательной семантики и, соответственно, возможную неконечность его выбора в переводе; 2) разрабатываем модель процесса подбора коррелята ПЕ.

В 1.5 *Моделирование перевода в современной науке* рассматриваются модели переводческого посредничества, функционирующие в рамках психолингвистического подхода, с точки зрения их применимости в коррелировании ПЕ. Обзор предлагаемых в науке транслатологических концепций позволяет остановиться в прикладном плане на двух теориях:

1) функционально-коммуникативной модели пяти уровней эквивалентности В. Н. Комиссарова, который предполагает пять уровней эквивалентных отношений между оригиналом и переводом, где доминирует первый уровень эквивалентности — цель коммуникации [Комиссаров, 2002, с. 116–134], что соответствует постулату о необходимости коррелирования паремий на уровне передачи назидания как цели послания ПЕ;

2) психолингвистической модели перевода значимости П. П. Дашинаевой (далее ПЛМПЗ), развертывающей второй этап переводческого акта — этап декодирования исходной значимости (прескрипции) [Дашинаева, 2017а, с. 188], в связи с чем алгоритм представляется релевантным в аспекте его использования в масштабировании ментального этапа поиска и подбора коррелята.

В *выводах по первой главе* постулируется идея о том, что в основе ПЕ лежит образ, который способствует пониманию назидания потомками. Бурятские пословицы, равно как и ПЕ другого этноса, служат определенными ориентирами вербального и невербального поведения, однако при условии их освоенности носителями языка-культуры. Слабое понимание этноокрашенной образной ситуации вызывает вариативность понимания назидательного смысла ПЕ, которая может соответственно влиять на степень успешности подбора релевантных коррелятов в ПЯ. Данная проблема требует решения в рамках психолингвистического подхода.

Во второй главе «**Экспериментальный способ экспликации прескриптивного потенциала паремических единиц**» описываются результаты психолингвистического эксперимента, направлен-

ного на экспликацию прескриптивного потенциала бурятских ПЕ. Первый этап эксперимента был нацелен на определение степени приложения когнитивных усилий при распознавании прескриптивного потенциала бурятских ПЕ носителями языка двух поколений. В тестировании приняло участие 100 человек, владеющих бурятским языком и представляющих две возрастные группы: младше 30 лет и старше 30 лет. Респондентам было предложено оценить степень (не)понимания прескриптивной составляющей 15 наиболее частотных бурятских пословиц по 7-балльной шкале -3, -2, -1, 0, +1, +2, +3, где баллы означали: -3 — абсолютно непонятно, в чем состоит назидание (смысл); -2 — скорее не понимаю назидание (смысл), чем понимаю; -1 — смутно понимаю, в чем состоит назидание (смысл), однако не уверен в правильности догадки; 0 — не знаю/не понимаю вопрос; +1 — осознаю, в чем заключается назидание (смысл), но не могу точно сформулировать; +2 — не составило больших усилий, чтобы понять назидание (смысл); +3 — абсолютно четко представляю, в чем состоит назидание (смысл).

Согласно результатам эксперимента, у старшего поколения зарегистрировано 66,6% случаев абсолютно четкого понимания прескриптивной составляющей ПЕ, а у младшего поколения только 20,5%. В то время как у респондентов младше 30 лет зафиксировано 23,5% случаев абсолютного непонимания назидания паремий-стимулов, у группы старше 30 лет — всего 1%. Среди лингвистических и семиотических факторов, усложняющих процесс прогнозирования и идентификации скрытой прескрипции, младшие респонденты выделили следующие: непонимание значения некоторых слов (*бүдэрхэ* ‘спотыкаться’, *эндүүрхэ* ‘ошибаться’, *балай* ‘глухо, темно’, *суутай* ‘известный, о ком слава идет’); отсутствие глагола-императива, выражающего прямое назидание; описание свойств объектов действительности, предметно далеких от описываемой ситуации-морали; непонимание связи между образом и моралью пословицы.

Второй этап эксперимента был направлен на определение роли паремического образа в выражении прескриптивной составляющей трех паремий-стимулов с разной степенью экспликации назидательного смысла. Пословица *Олон тарбаган ноохойдоо хуртэхэгүй/багтахгүй* ‘досл. Сурков так много, что даже хлама на всех не хватит’, вызвала трудности в понимании прескриптивного потенциала как у младше-

го, так и у старшего поколения (46% и 36% соответственно). Свой выбор большинство респондентов младшей и старшей групп обосновали такими доводами (список аргументов был предложен им), как «вид/разряд образа не помогает понять ситуацию назидания» (14% и 19% соответственно), «трудно сопоставлять придуманные образы с ситуацией, о которой идет назидание» (23% и 12% соответственно). Очевидно, что из-за затемненной семантики паремии сложно вывести мораль из идеи «В большой семье всем всего не хватает», а именно то, что при умелом распределении обязанностей в большом хозяйстве всегда и порядок, и гармония.

Прескриптивный смысл паремии *Өөрөө унаһан хүүгэн уйладаггүй, өөрөө таһарһан хүн гомдодоггүй* ‘досл. Ребенок, упавший сам, не плачет, человек, отставший сам, не обижается на других’ (человек не винит других в своих бедах) оказался достаточно прозрачным для большинства респондентов младше и старше 30 лет (50% и 78% соответственно). Данную пословицу мы отнесли к ПЕ со средней степенью экспликации прескрипции.

Также не составило труда для большинства респондентов младшей и старшей групп (54% и 88% соответственно) идентифицировать прескриптивный смысл последней паремии-стимула *Ан алаагүй аад, арһыень бү хубаа* ‘досл. Не убив зверя, не дели его шкуру’. Здесь наблюдается относительно высокая степень экспликации назидания «не судить о результатах, не приступив к делу».

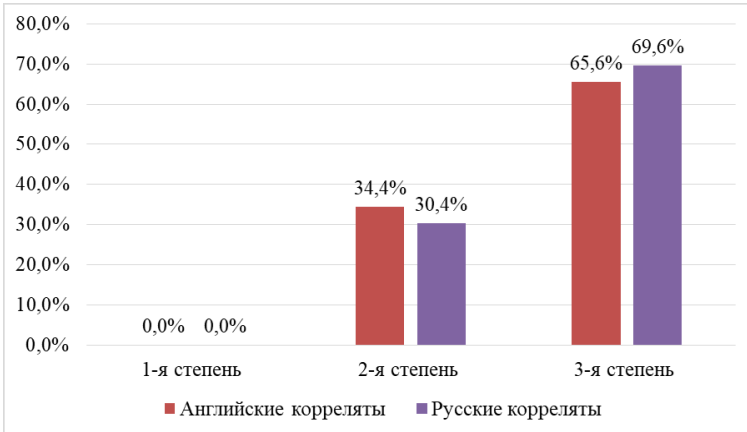
Далее на основе данных экспериментов 1 и 2 выделяются три степени экспликации паремической прескрипции: высокая, средняя и низкая. Высокая степень предполагает присутствие в ПЕ прозрачно обозначенной прескрипции, которая часто выражается через прямой наказ за счет употребления глагола в повелительном наклонении/императиве: *Горхо хараагүй аад, гуталаа бү тайла* ‘досл. Не увидев речки, не снимай обувь’. В ПЕ со средней степенью экспликации назидания присутствует опосредованное назидание, которое выражается, например, через причинно-следственную основу метафорической связи, а также сопоставительное описание предметов, явлений и ситуаций: *Үглөө эдихэ өөхэнһөө мүнөө эдихэ уушхан дээрэ* ‘досл. Легкие, которые ты ешь сейчас, лучше, чем сало, которое съешь завтра’. И, наконец, ПЕ с низким уровнем экспликации назидания содержат в себе скрытую прескрипцию, т. е. в них отсутствуют перформативы, очевидная причинно-следственная связь,

прямая связь между образом и назидательным смыслом: *Ухаагүй толгой улаан гараа зобоохо* ‘досл. Глупая голова мучает руки’.

Третий этап эксперимента был направлен на выявление степени соответствия английских и русских коррелятов бурятским паремиям в аспекте реализации исходной прескрипции. В эксперименте приняло участие 50 студентов 4-го курса Восточного института и Института филологии, иностранных языков и массовых коммуникаций ФГБОУ ВО «Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова», направления подготовки 41.03.01 Зарубежное регионоведение (Азиатские исследования), 41.03.03. Востоковедение и африканистика (Языки и литература стран Азии и Африки), 45.03.01 Филология (Зарубежная филология), 45.03.02 Лингвистика (Перевод и переводоведение). Основным требованием к участникам эксперимента было знание бурятского, русского и английского языков. Респондентам предлагалось распределить 10 бурятских пословиц с разной степенью затемненности прескрипции и их английские и русские корреляты по трем группам: 1-я степень — передача прескрипции без семантического сдвига; 2-я степень — со слабым сдвигом; 3-я степень — со значительным сдвигом. Согласно результатам опроса, в большинстве случаев как английские, так и русские корреляты (65,6% и 69,6% случаев соответственно) выражают третью степень соответствия исходной единице, т. е. передачу прескрипции со значительным семантическим сдвигом. Вторая степень соответствия со слабым сдвигом встречается в 34,4% и 30,4% случаев соответственно, первая степень соответствия без сдвига не встречается ни в одном случае. Динамика результатов эксперимента представлена в диаграмме 1.

Например, бурятская пословица *Нюу нюуһаар байтар нюрганай забһараар бултайһа, хаһша хаһшаһаар байтар хаһһанай забһараар бултайһа* ‘досл. Сколько не укрывай, все равно вылезет из-за твоей спины, сколько не подавляй, все равно вылезет между твоими ребрами’ содержит опосредованную причинно-следственной связью прескрипцию: сколько ни скрывай, правда все равно выяснится. Согласно результатам эксперимента, варианты соответствия *What is done by night appears by day* ‘досл. Что сделано ночью, становится видно днем’, *Шила в мешке не утаишь* и *Все тайное становится явным* обеспечивают передачу прескрипции со слабым сдвигом. Разница заключается в том, что корреляты не передают обуслов-

ленную анафорами *Нюу нюуһаар байтар нюрганай...*, *хабша хабшаһаар байтар хабһанай...* физиологическую образность. В другом корреляте *Murder will out* (досл. Убийство раскроется) наблюдается значительный семантический сдвиг, выражающийся в негативной образной ситуации: любая тайна или плохой поступок рано или поздно будет раскрыт [URL: <https://www.collinsdictionary.com/dictionary/english/murder-will-out> (дата обращения: 09.05.2020)].

Диagr. 1. Степени семантического сдвига в коррелятах: процентное соотношение

В *выводах по второй главе* приводится мысль о том, что подрастающее поколение говорящих на бурятском языке постепенно утрачивает способность к языковой догадке, выявлению скрытого значения и расшифровке метафорической прескрипции через внешние свойства и характеристики денотатов, лежащих в основе образа ПЕ, что говорит о функциональном ослаблении родного языка на более глубоком семиотическом уровне. Далее, судя по результатам экспериментов 2 и 3, паремический образ, с одной стороны, создает высокую степень затемненности прескрипции и предопределяет вариативность понимания ее послания, с другой стороны, служит основной причиной семантического сдвига в коррелятах. Отсутствие случаев передачи паремической прескрипции без семантического сдвига, а также наличие значительного сдвига семантики в большинстве английских и русских коррелятов (65,6% и 69,6% соответственно) подтверждают эту идею.

В третьей главе «**Моделирование процесса перевода паремий с учетом контактирующих языков и экспериментальных данных**» предлагается моделирование процесса перевода ПЕ на примере бурятских, английских и русских коррелятов на основе концепций В. Н. Комиссарова и П. П. Дашинамаевой, а также разрабатываются рекомендации к поиску и подбору паремических коррелятов в рамках психолингвистического подхода.

Апробация пятиуровневой модели В. Н. Комиссарова в работе с ПЕ показывает, что релевантное коррелирование пословиц возможно лишь на первом уровне цели высказывания — назидания, а соответствие на уровне ситуации и способа описания ситуации встречается в крайне редких случаях, в основном в интернациональных или заимствованных паремиях. Например, пословице с высокой степенью экспликации назидания *Гохорой газарта нюдөө ани, дохолоной газарта хүлөө үргэ* ‘досл. Среди слепых закрывай глаза, среди хромых поджимай ноги’ на первом уровне в английском и русском языках соответствуют корреляты *When in Rome, do as the Romans do* ‘досл. В Риме веди себя как римлянин’, *Who keeps company with the wolf, will learn to howl* ‘досл. Кто подружится с волком, научится выть’, *В чужой монастырь со своим уставом не ходят* и *С волками жить, по-волчьи выть*, содержащие мораль «В чужом окружении веди себя так, как ведут себя остальные». Следует обратить внимание на то, что в исходной пословице нравоучение направлено на добродетельность, на подавление своего эго рядом с теми, кто лишен какого-то свойства или способности. В этом смысле корреляты *When in Rome, do as the Romans do* и *В чужой монастырь со своим уставом не ходят* обеспечивают передачу прескрипции со слабым семантическим сдвигом: придерживайся правил и норм поведения чужих, чтобы не проявить к ним неуважение. В коррелятах *Who keeps company with the wolf, will learn to howl* и *С волками жить, по-волчьи выть*, напротив, прослеживается значительный сдвиг, так как идея с волком подразумевает уподобление окружающим тебя смелым, но беспощадным, людям. На последующих четырех уровнях исходная пословица не имеет релевантных коррелятов.

Данная модель обладает достаточно высоким аппликативным потенциалом в плане как использования положений в процессе перевода ПЕ, так аналитической деятельности (в пред- и постпереводческой). Теория релевантна благодаря системности, последователь-

ности и совокупно-трехмерному видению компонентов, вовлеченных в перевод: 1) коммуникативный уровень (цель); 2) денотативный уровень (ситуация и способ описания ситуации); 3) языковой уровень (грамматика и лексика).

Для описания сугубо ментального этапа идентификации исходного смысла, который является ключевым в алгоритмизации перевода паремических фразеологизмов, иллюстрируется аппликативный потенциал психолингвистической модели П. П. Дашинимаевой на примере перевода бурятской пословицы *Агта алдабал, баригдаха, ама алдабал, баригдахагүй* 'досл. Упустишь рысака — поймашь, упустишь уста/рот — не поймашь', обладающей средней способностью к экспликации прескриптивного потенциала.

Согласно ПЛМПЗ, на первом этапе декодирования исходного назидания сначала формируется естественная версия *значимости-Я*. При восприятии слова *агта* (рысак) в сознании переводчика возникают произвольные ассоциации и образы, исходящие из его личного опыта наблюдения за строптивым конем.

На следующем этапе формируется искусственная версия *значимости-1*. Переводчик «приглушает» возникшие в сознании личностные ассоциации, уводящие его в предметную ситуацию с конем и, как следствие, в неверное русло интерпретации исходной морали пословицы, и формирует прескриптивный смысл паремии на основе сопоставления строптивного поведения рысака и человека, а именно — осуждение подобного поведения. Способствует подобной идентификации назидания осознание таких характерных коммуникативных черт бурят, как сдержанность, немногословность/молчаливость. Эти особенности являются признаком высококонтекстной культуры, где невербальное поведение оказывается более значимым, чем вербальное (Т. Г. Стефаненко, 2007; П. П. Дашинимаева, 2009; Т. Ц. Дугарова, 2010а; E. Hall, 1976). В результате релятивизации идеи высокого порога молчания переводчик выводит мораль исходной пословицы — чтобы не упустить строптивного скакуна, нужно держать его в узде; чтобы не упустить слово, тем самым не показаться грубым, нужно держать его за зубами.

На последнем этапе переводчик прогнозирует версию *значимости-2* под адресата, т. е. представляет, каким образом носители английской и русской культур воспринимают ситуацию «степени молчаливости/говорливости». Согласно экспериментальным иссле-

дованиям отечественных и зарубежных ученых (А. А. Джигоева, 2006; О. А. Чибышева, 2018; E. Hall, 1976; K. Fox, 2004), в поведении англичан в разных коммуникативных ситуациях преобладают такие свойства, как сдержанность, замкнутость и молчаливость, которые исходят из их желания быть вежливыми по отношению к другим. В этом смысле англичане, равно как и буряты, отдают явное предпочтение молчаливости и сдержанности, что в значительной степени сокращает дистанцию между культурой-1 и культурой-2 в плане понимания данного концептуального ориентира поведения. Что касается носителей русской культуры, их менталитет одновременно характеризуется такими противоположными свойствами, как молчаливость и многоречивость, которые тем не менее не противостоят друг другу (В. Г. Артемова, Я. В. Филиппова, 2008; Е. Ю. Казакова, 2009; Т. Р. Копылова, 2015; E. Hall, 1976; G. Hofstede, 2004). Подобное расхождение ориентиров вербального и невербального поведения в исходной и целевой культурах является фактором, препятствующим подбору релевантных коррелятов.

Для передачи исходной прескрипции на английский и русский языки переводчик осуществляет поиск предполагаемых коррелятов, способных оказать схожее воздействие на получателей. В результате обнаруживаются следующие соответствия в двух языках: *Speech is silver, but silence is golden* ‘досл. Слово — серебро, а молчание — золото’; *A shut mouth catches no flies* ‘досл. В закрытый рот муха не залетит’; *Молчание — золото; Слово не воробей, вылетит — не поймаешь*. Опираясь на значения ПЕ в толковых словарях, переводчик выбирает наиболее релевантные корреляты в обоих языках: в английском — *A shut mouth catches no flies*, в русском — *Слово не воробей, вылетит — не поймаешь*. Во-первых, они выражают наиболее близкий к исходному прескриптивный смысл; во-вторых, во всех трех случаях в основу образов взяты денотаты живых существ (жеребец, муха, воробей), которые в исходных культурах отличаются своей резвостью передвижения и неуловимостью; в-третьих, все три пословицы обладают средней способностью к экспликации назидания. Если обратиться к экспериментальным данным, оба коррелята обеспечивают передачу прескрипции со слабым семантическим сдвигом. Это можно объяснить несовпадением способов описания ситуации в контактирующих языках и разным представлением носителей трех культур о МОЛЧАНИИ: бурят

молчит, чтобы не проявить неуважение перед старшим по коммуникации или потому что так принято себя вести, англичанин — чтобы не показаться невежливым, а русский — чтобы не сказать лишнего.

Далее на основе принципов ПЛМПЗ разработаны рекомендации по работе с паремиями в рамках психолингвистического подхода. Так, если смысл текста формируется с привлечением паремической фразеологии, переводческие действия могут представлять следующий алгоритм:

Шаг 1. На этапе восприятия исходной ПЕ *определить степень эксплицитности прескриптивной семантики*: высокая, средняя, низкая.

Шаг 2. В случае высокой степени затемненности прескрипции, вызывающей затруднения в декодировании назидания, *использовать схему анализа метафор Дж. Лакоффа и М. Джонсона*, что значит, *определить источник и цель* метафорической основы поговорки. Источник — это та область, наиболее характерные свойства которой высвечиваются в области цели.

Шаг 3. *Выявить основные свойства источника, перенесенные на цель*, с точки зрения стереотипизированных представлений носителя культуры-1 при условии отсутствия в тексте ПЕ опровержения таковых.

Шаг 4. *«Приглушить» возникшие в сознании образы и ассоциации, связанные с личным опытом*, которые могут необязательно основываться на общекультурных символах, концептах или скриптах и, как следствие, могут увести в другое русло интерпретации назидания.

Шаг 5. *Декодировать и сформулировать исходную прескрипцию, опираясь на доминантные культурные ценности отправителя*.

Шаг 6. *Прогнозировать усредненную точку зрения о культурных и концептуальных ориентирах познания и мышления отправителя и получателя в вопросе исходной морали*.

Шаг 7. *Произвести поиск и подбор релевантных коррелятов в ПЯ*, следуя критерию «способность оказывать схожее воздействие на получателя другой культуры».

Шаг 8. *Определить степень семантического сдвига в коррелятах*, обращаясь к значениям ПЕ в толковых фразеологических словарях, и при наличии вариантов выбрать тот коррелят, который выражает ту же степень затемненности прескрипции, что и исходная единица.

Шаг 9. *В случае отсутствия соответствия предложить описательный перевод, детерминированный контекстом*. В переводче-

ской практике деметафоризация используется в целях объяснения прескриптивного смысла ПЕ, которая не имеет коррелятов в ПЯ, однако не подлежит дословному переводу.

Рекомендации направлены на развитие профессиональных навыков и умений, а также культуры мышления начинающих переводчиков, которая тесно связана с понятием переводческой стратегии.

В *выводах по третьей главе* постулируется идея о том, что достижение тождественного коммуникативного эффекта на получателя невозможно ввиду расхождения концептуальных ориентиров исходной и целевой культур. Обоснование и выстраивание последовательности ментальных действий в переводческом посредничестве бурятских, английских и русских языков-культур позволили, с одной стороны, высветить факторы, которые послужили причинами идентификации вариантов семантического сдвига в коррелятах в ходе психолингвистического эксперимента (предметная ситуация и способ описания ситуации), с другой, спрогнозировать в определенной степени динамику ментальных шагов, которые испытуемые могли проделать во время третьего этапа эксперимента.

В **заключении** обобщаются основные результаты исследования и намечаются перспективы дальнейшей работы. Проведенное нами исследование полностью подтвердило гипотезу: если паремическая прескрипция этнокультурноцентрирована, то соответствующее наизидание невозможно передать в другом языке без сдвига семантики. Другими словами, перевод паремических фразеологизмов носит относительный характер. Данное исследование было направлено на выявление факторов, влияющих на вариативность понимания прескриптивного смысла исходных паремий, а также на степень передачи паремической прескрипции в целевом знаке. Мы выяснили, что паремический образ как отправной пункт формирования прескриптивного смысла единицы может создавать высокую степень затемненности семантики, что препятствует пониманию читателем или слушателем послания предков.

Экспериментальное обнаружение взаимоотношенностей между бурятскими, английскими и русскими коррелятами и последующее подтверждение их проявлений в модели перевода на предмет приближения целевых коррелятов друг к другу помогли также высветить частную причину неверного декодирования назидательного ядра самими носителями исходного языка. В условиях функцио-

нального ослабления родного языка молодое поколение бурят испытывает трудности в умении восполнить отсутствующую часть семантики, опираясь на принцип логического развертывания причины-следствия. Например, в случае с поговоркой с затемненной прескрипцией *Тэжээһэн буруу тэргэ эбдэбэ* (досл. Вскормленный теленок сломал телегу) большинство участников эксперимента не смогли идентифицировать исходную прескрипцию из-за отсутствия указания в ней на метонимическую связь, что привело к неверному определению степени семантического сдвига в коррелятах ('упертость в поведении' вместо 'последствия плохого воспитания'). В этом смысле степень интериоризации родного языка, в том числе и паремического знака, требует целенаправленного исследования на более детальном уровне.

В рамках нашего исследования моделирование перевода паремий было предназначено не столько для того, чтобы попытаться описать ментальные действия, которые тот или иной переводчик непроизвольно осуществляет в голове, сколько для того, чтобы создать алгоритм подобранных в строгой последовательности мыслительных шагов, позволяющий сознательно и целенаправленно выполнять операциональные действия с паремиями. В этом смысле предложенное моделирование перевода ПЕ в аспекте актуализации прескриптивного потенциала, которое способствует оптимизации предпереводческой деятельности и минимизации семантического сдвига в коррелятах, также разработанные нами переводческие рекомендации по работе с паремиями с затемненной прескриптивной семантикой, направленные на развитие переводческой компетентности и культуры мышления начинающих переводчиков в плане осознанного использования ментальных шагов при выполнении данной задачи, могут найти дальнейшую детализацию в плане освещения глубинных когнитивных механизмов переводческого процесса, где одним из контактирующих языков является региональный язык.

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях:

Статьи, опубликованные в рецензируемых научных изданиях, включенных в реестр ВАК Министерства науки и высшего образования Российской Федерации

1. Будаева Ц. Л. Перевод концепта «тщеславие» с английского языка на бурятский: к степени переводимости концепта /

Ц. Л. Будаева, П. П. Дашинамаева // Вестник Бурятского государственного университета. — 2014. — № 10(4). — С. 3–8 (0,8 печ. л.). Текст: непосредственный.

2. Будаева Ц. Л. Аппликация психолингвистической модели перевода значимости в ситуации с паремиями (на примере бурятско-английских корреляций) / Ц. Л. Будаева // Вестник СПбГУ. — Язык и литература. — 2019. — Т. 16, вып. 2. — С. 160–171 (1 печ. л.). Текст: непосредственный.
3. Будаева Ц. Л. Экспериментальный способ экспликации прескриптивного потенциала паремий (на материале бурятских паремий) / Ц. Л. Будаева // Вестник СВФУ. — 2019. — № 5(73). — С. 57–68 (1,25 печ. л.). Текст: непосредственный.

Статьи, опубликованные в научных изданиях, индексируемых РИНЦ

4. Будаева Ц. Л. К вопросу о степени экспликации прескриптивного потенциала паремических единиц (на примере бурятских, русских и английских пословиц) / Ц. Л. Будаева, П. П. Дашинамаева // Аспирант. — Ростов-на-Дону : Приоритет, 2016. — № 9. — С. 14–16 (0,4 печ. л.). Текст: непосредственный.
5. Будаева Ц. Л. Роль способа демегафоризации в переводе прескриптивной составляющей паремии / Ц. Л. Будаева // Вестник БГУ. Язык. Литература. Культура. — 2018. — Вып. 1. — С. 9–14 (0,5 печ. л.). Текст: непосредственный.
6. Будаева Ц. Л. Бурятские паремические фразеологизмы как ориентиры традиционного мышления и поведения бурят / Ц. Л. Будаева // Вестник БГУ. Язык. Литература. Культура. — 2019. — Вып. 3. — С. 89–92 (0,4 печ. л.). Текст: непосредственный.

Публикации в сборниках научных трудов и тезисов докладов на всероссийских и международных конференциях

7. Будаева Ц. Л. Способы экспликации в переводе культурных составляющих исходного текста / Ц. Л. Будаева // Наука и образование: сохраняя прошлое, создаем будущее : сборник статей IX Международной научно-практической конференции (Пенза, 5 мая 2017 г.): в 3 частях. — Пенза : Наука и Просвещение, 2017. — Ч. 2. — С. 147–150 (0,5 печ. л.). Текст: непосредственный.
8. Будаева Ц. Л. Применимость принципов герменевтического подхода в переводе бурятских пословиц на английский язык / Ц. Л. Будаева // Азиатско-Тихоокеанский регион: история и совре-

- менность — XI: материалы международной научно-практической конференции молодых ученых (Улан-Удэ, 18–19 мая 2017 г.) / научный редактор Д. И. Бураев; ответственный редактор Т. И. Гармаева. — Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2017. — С. 110–112 (0,3 печ. л.). Текст: непосредственный.
9. Будаева Ц. Л. Психолингвистический подход к изучению бурятских пословиц и поговорок в корреляции с русскими и английскими эквивалентами / Ц. Л. Будаева // Приоритетные направления развития науки, технологий, техники: сборник научных трудов по материалам международного междисциплинарного форума молодых ученых (Новосибирск, 10 июня 2017 г.). — Новосибирск: Профессиональная наука, 2017. — С. 250–255 (0,25 печ. л.). Текст: непосредственный.
10. Будаева Ц. Л. Обоснование непереводаемости паремий (на примере перевода бурятских паремий на английский язык) / Ц. Л. Будаева // Язык-культура, мышление-познание. Интегративные исследования: материалы международной научно-практической конференции (Улан-Удэ, 28–30 июня 2018 г.) / научный редактор Г. С. Доржиева; ответственный редактор Л. М. Орбодоева. — Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2018. — С. 268–274 (0,6 печ. л.). Текст: непосредственный.
11. Будаева Ц. Л. Методические рекомендации по переводу паремий в аспекте реализации переводческих компетенций / Ц. Л. Будаева // Экология. Коммуникация. Перевод: материалы всероссийской онлайн-конференции, посвященной 15-летию кафедры перевода и межкультурной коммуникации и 60-летию факультета иностранных языков Бурятского госуниверситета (Улан-Удэ, 30 сентября — 1 октября 2020 г.) / научный и ответственный редактор П. П. Дашинимаева. — Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2020. — С. 106–113 (0,5 печ. л.). Текст: непосредственный.

Подписано в печать 15.07.21. Формат 60 x 84 1/16.
Усл. печ. л. 1,4. Тираж 100. Заказ 110.

Издательство Бурятского госуниверситета
670000, г. Улан-Удэ, ул. Смолина, 24а
E-mail: riobsu@gmail.com

Отпечатано в типографии Издательства
Бурятского государственного университета
670000, г. Улан-Удэ, ул. Сухэ-Батора, 3а